

Перед тем как спуститься на нижнюю палубу, Янь Чао вдруг, безо всякой видимой причины, сказал Сун Бай Сюю:

— Пока Няньняню не исполнится три года, постарайся держать его подальше от воды, в том числе и от вашего домашнего бассейна.

При воспоминании о малыше, что прижимался к нему и детским лепетом звал его «Тата», Янь Чао поджал губы и, немного помедлив, добавил:

— Если будет удобно, напомни своему брату и его жене, что за ребёнком лучше присматривать самим.

Ещё во время ужина Янь Чао не мог решить, стоит ли ему лично предупреждать Сун Сыюя и его жену, но подходящего момента так и не нашлось.

Когда он кормил малыша, ему вспомнились некоторые эпизоды из «оригинальной книги», касающиеся семьи Сун Сыюя и самого Няньняня.

В середине повествования несколько глав были посвящены карьере Сун Яня. Сюжет в общих чертах сводился к тому, что Сун Янь, вернувшись в семью Сун и пробыв в тени больше года, воспользовался внезапным кризисом в семье, чтобы решительно и безжалостно захватить бизнес и компанию ветви второго господина Сун. Так он обрёл собственную власть и начал открыто противостоять своей сводной сестре, закладывая основу для будущей борьбы за пост главы семьи.

А ведь всё, что захватил Сун Янь, должно было принадлежать Сун Сыюю.

Разница в возрасте между Сун Янем и Сун Сыюем была меньше года, и хотя они принадлежали к разным поколениям, их статус был несоизмерим.

В настоящее время семья Сун состояла из четырёх ветвей: потомки старого господина Суна, второго господина, третьего господина и четвёртой госпожи-тётушки, рождённые от законной жены и второй жены предыдущего главы семьи.

Ветвь второго господина Сун не была многочисленной. В отличие от своего брата, третьего господина, который был известным повесой, второй господин был однолюбом. После смерти жены он прожил всего два года и скончался от тоски, оставив единственного сына, Сун Чжана — отца Сун Сыюя.

Этот единственный сын унаследовал преданность отца. В свои двадцать с небольшим он без памяти влюбился в малоизвестную певичку. Семья всячески пыталась их разлучить, но Сун

Чжан был непреклонен и готов был даже разорвать отношения с родными, лишь бы дать любимой женщине официальный статус.

В итоге семья Сун уступила. Старый господин всё-таки питал слабость к ребёнку, оставленному его родным братом.

Но счастье было недолгим. Не прошло и двух лет, как возлюбленная Сун Чжана умерла при родах, подарив жизнь Сун Сьюю.

А сам Сун Чжан, не прожив и месяца после рождения сына, покончил с собой, последовав за любимой.

Так Сун Сьюй остался единственным прямым потомком ветви второго господина Сун. С самого детства его воспитывал старый господин Сун вместе с детьми основной ветви, и готовили его как настоящего наследника.

Опасаясь, что Сун Сьюй повторит судьбу своего отца и деда, старый господин Сун, когда мальчику было всего пять лет, обручил его с новорождённой младшей дочерью семьи Мин, Мин Яо, равной им по статусу.

К всеобщей радости, Сун Сьюй не возражал против этого брака. С малых лет он трепетно и нежно относился к своей невесте, которая была на пять лет младше его.

Сун Сьюй терпеливо ждал, пока его маленькая невеста вырастет и полюбит его в ответ. Как только Мин Яо достигла брачного возраста, он немедленно повёл её регистрировать брак.

На второй год после окончания университета Мин Яо, едва не лишившись жизни, родила Няньняня. Это так напугало Сун Сьюя, что он, не дожидаясь, пока ребёнку исполнится месяц, сделал вазэктомию, наотрез отказавшись позволить жене рожать снова.

Сун Сьюй назвал сына Няньнянь, потому что второе имя его жены было Сысы, а иероглифы «сы» и «нянь» образуют слово «тоска», «память».

Этого единственного ребёнка супруги, разумеется, обожали и оберегали как зеницу ока.

Но в «оригинальной книге» этому прелестному малышу было суждено прожить всего два года.

Причина — утопление.

В книге этому событию не уделялось много внимания, у Няньняня даже не было имени, его называли просто «ребёнком Сун Сьюя». Всё внимание было сосредоточено на карьерных успехах Сун Яня и его триумфальном захвате власти.

Судьба семьи Сун Сьюя была описана вскользь, всего в тысяче с небольшим иероглифов.

Говорилось лишь, что вскоре после трагической гибели Няньня у жены Сун Сьюя развилась тяжелейшая депрессия и тревожное расстройство. Она часто обнимала вещи сына и разговаривала сама с собой, либо срывалась на истерический плач. В минуты просветления она целыми днями сидела у бассейна, где утонул мальчик, не говоря ни слова и отказываясь от еды и питья.

После третьей попытки самоубийства жены Сун Сьюй увёз её из Ганчэна, этого места скорби, в Европу на лечение. С тех пор имена Сун Сьюя и Мин Яо в книге больше не упоминались.

А состояние, которое должно было принадлежать Сун Сьюю, вполне закономерно перешло в руки Сун Яня.

Хотя нет, не «закономерно». Скорее, это было «вознаграждение и плоды, которые Сун Янь по праву заслужил, проведя больше года в тени, терпя холодное отношение и насмешки семьи Сун».

Именно так это описывалось в книге.

«...Сун Янь играл с личной печатью второго господина Сун, когда Шэнь Сюмин обнял его сзади. Почувствовав, как влажный, горячий язык скользит по его шее, он издал сдавленный стон, и в его глазах промелькнула боль, но голос оставался холодным:

— Предать Сун Сьюя, чтобы переспать со мной. Оно того стоило?

— Стоило, — прошептал Шэнь Сюмин, целуя его и глядя на него с одержимостью и фанатизмом. — Получить тебя хотя бы раз — и я умру без сожалений.

...

Когда Шэнь Сюмин безжалостно овладевал им, он смотрел, как холодное лицо Сун Яня окрашивается иными красками, и его одержимость лишь росла. Он наклонился к его уху и прошептал:

— А-Янь, я знаю, как нелегко тебе было этот год, когда ты скрывался и терпел холод и насмешки семьи Сун. Всё это — заслуженное тобой вознаграждение и плоды. Я — лишь подлец, который воспользовался этим, чтобы получить тебя. Но мне этого достаточно. Отныне я буду самым острым клинком в твоих руках, я устраню все препятствия на твоём пути в семье Сун. Я принесу тебе всё, чего ты пожелаешь.

Сун Янь, затуманенным и рассеянным взглядом посмотрев на Шэнь Сюмина, вдруг обнял его за шею и сам поцеловал, сказав:

— А-Мин, ты совсем не подлец. В моём сердце ты всегда будешь моим светлым, чистым и благородным старшекурсником.

...»

Хватит об этом, а то стошнит.

Что касается Шэнь Сюмина...

В книге его описывали как «безответно влюблённого в Сун Яня на протяжении многих лет старшекурсника, который от отчаяния превратился в мрачного и озлобленного человека».

В списке главных героев-гунов его имени не было, потому что он переспал с Сун Янем всего один раз, после чего стал просто удобным инструментом для продвижения его карьеры, даже не приблизившись к «полю битвы Сюры».

Но на этом приёме в честь первого плавания его рядом с Сун Сьюем не было.

— У твоего брата есть ассистент по фамилии Шэнь? — обратился Янь Чао к Сун Бай Сюю, заметив его всё более недоумевающий взгляд, и спокойно продолжил: — Если такой человек существует, лучше присмотреться к нему. Он учился с Сун Янем в одном университете, и у них довольно близкие отношения.

— ...Хорошо, — Сун Бай Сюй слегка кивнул. — Я передам всё, что ты велел, моему брату и невестке.

Подумав, он добавил с уверенностью:

— Не волнуйся, я ни за что тебя не выдам.

Янь Чао посмотрел в его глаза, полные улыбки, и слегка приподнял бровь.

— Не хочешь спросить, почему?

— Не хочу, — решительно ответил Сун Бай Сюй, убирая с лица волосы, растрепавшиеся от морского ветра. Его голос легко растворился в шуме волн. — Мне кажется, брат Янь не захочет объяснять, поэтому я не буду спрашивать. Неважно, есть у твоих предупреждений причина или нет, для меня это не имеет значения. Я знаю, что ты не причинишь вреда моей семье. И этого достаточно.

— К тому же... — он сделал паузу, — я знаю, что брат Янь не из тех, кто любит совать нос в

чужие дела. Если ты предупредил, значит, у тебя были на то свои причины. Я тебе верю.

— Я лично предупрежу двоюродного брата, не волнуйся, — он подошёл на полшага ближе и взял Янь Чао под руку, его глаза весело изогнулись. — А теперь, не думай ни о чём другом. Готовься полностью погрузиться в просмотр фильма со мной!

— «Титаник»? — Янь Чао вернулся из уборной, бросил взгляд на экран и опустился на диван рядом с Сун Бай Сюем. — Почему ты выбрал его?

— Не хочешь смотреть? Можем выбрать что-то другое, — Сун Бай Сюй протянул ему планшет. — Я подумал, что смотреть этот фильм на корабле будет довольно символично, а из новинок в последнее время ничего интересного не выходило.

Янь Чао взял планшет, небрежно пролистал список фильмов и отложил его в сторону.

— Давай этот.

«Сяо Янь, я видел, как ты на несколько секунд задержал палец на «Ужасе на круизном лайнере», — уныло заметила маленькая система. — Ты же не собирался смотреть фильм ужасов в такой обстановке?»

«...»

Честно говоря, собирался.

Но, вспомнив, что Сун Бай Сюй довольно пуглив, Янь Чао отказался от этой идеи.

«Ладно... — 07 со вздохом старого мудреца проговорил: — Наслаждайтесь своим свиданием. Я на три часа уйду в системное пространство, не буду вам мешать».

Через полчаса просмотра Янь Чао начал зевать.

Этот классический любовный фильм был, безусловно, хорош, но у молодого господина-директора Яня была одна особенность: от любого сентиментального кино его неумолимо клонило в сон. Он даже не помнил, когда в последний раз досмотрел любовную историю до конца.

Янь Чао выпрямился, потёр виски и сделал несколько глотков ледяной воды, пытаясь отогнать сонливость.

Но даже полстакана ледяной воды и несколько разжёванных кубиков льда не помогли. Через четверть часа Янь Чао всё же не смог побороть нахлынувшую дремоту и, откинувшись на диване, уснул.

Когда на экране началась сцена страстного поцелуя Джека и Розы, Сун Бай Сюй бессознательно прикусил соломинку, а его взгляд украдкой скользнул влево.

Его возлюбленный, утонув в мягких подушках дивана, безмятежно спал.

Сун Бай Сюй замер.

Кажется, все его хитроумные планы пошли прахом, хоть он и выбрал версию «Титаника» без цензуры.

Впрочем...

Сун Бай Сюй убавил громкость до минимума и, больше не обращая внимания на фильм, придвинулся ближе. Подперев щеку рукой, он принялся неотрывно разглядывать спящее лицо Янь Чао.

Лицо его возлюбленного, озарённое переменчивым светом экрана, то тёплым, то холодным, выглядело умиротворённо. Тёмные густые ресницы спокойно лежали на нижних веках, а черты лица, обычно резкие и холодные, смягчились, придавая ему тёплое и безмятежное выражение.

«Как же он красив».

«Как он мог вырасти таким? Каждая черта — именно такая, какую я люблю больше всего».

Так думал Сун Бай Сюй, и его взгляд в конце концов остановился на слегка сжатых губах Янь Чао.

От ледяной воды губы юноши стали влажными и приобрели насыщенный красный оттенок. Эта яркая деталь добавляла его строгим чертам лёгкую нотку изысканной красоты. На фоне его бледной кожи это выглядело так, словно сквозь замёрзший снег пробился цветок, чьи томные, алые лепестки так и манили прикоснуться, сорвать.

Когда Сун Бай Сюй опомнился, кончики его пальцев уже касались губ Янь Чао.

Холодные, мягкие.

Он не удержался и провёл пальцем по его нижней губе.

Янь Чао слегка нахмурился и, повинувшись инстинкту, приоткрыл рот, захватив кончик пальца Сун Бай Сюя и коснувшись его языком.

Ощущение тепла и влаги пронзило палец. Осознав, что произошло, Сун Бай Сюй широко раскрыл глаза.

Он испугался, но в то же время осторожно отдернул руку, боясь разбудить Янь Чао.

«Как я мог позволить себе такую дерзость по отношению к старшекурснику?»

Но...

Сун Бай Сюй сжал пальцы, до боли впиваясь зубами в губу.

«Что же делать, так хочется его поцеловать».

«Поцелуй. Брат Янь так крепко спит, он не узнает. Ты уверен, что хочешь упустить такой шанс?»

«Нет, не стоит. Ты ведь ещё даже не признался ему как следует. Так внезапно целовать — это так невежливо!»

В голове Сун Бай Сюя боролись два голоса, и ни один не мог победить.

После долгих мучительных колебаний он всё же не смог устоять перед искушением...

Сун Бай Сюй оперся рукой о подлокотник дивана, медленно наклоняясь вперёд. Лицо Янь Чао становилось всё ближе, и сердце в груди забило всё чаще и радостнее.

Приблизившись на нужное расстояние, Сун Бай Сюй быстро и легко, словно крыло бабочки, коснулся губами щеки Янь Чао и тут же отстранился.

«Поцеловал».

Эта довольная мысль едва успела оформиться, как тот, кого он украдкой поцеловал, внезапно открыл глаза.

Их взгляды встретились. От неожиданности рука Сун Бай Сюя соскользнула, он потерял равновесие и, казалось, вот-вот рухнет лицом вниз...

Но падения не произошло. Вместо этого он оказался в объятиях Янь Чао.

Его подбородок не слишком мягко ударился о плечо Янь Чао, и он услышал сдавленный стон. Сун Бай Сюй в панике попытался сесть прямо.

— Ты в порядке? Не ушибся?

Янь Чао не успел остановить его, и Сун Бай Сюй уже принялся оттягивать воротник его футболки. Лишь после того, как он тщательно всё осмотрел и убедился, что нет ни синяков, ни царапин, Янь Чао лениво произнёс:

— А ты, я смотрю, довольно смелый, да?

Движения Сун Бай Сюя замерли. Он растерянно моргнул.

— А?

— То одежду с меня стягиваешь, то ключицы трогаешь, — Янь Чао посмотрел на его озадаченное лицо, и уголки его губ едва заметно дрогнули в насмешливой улыбке. — Почему же поцеловать решился только в щёку?

<http://bllate.org/book/16124/1586527>